

Глаза доброго охотника открылись, и он ощутил прикосновение травы к своей спине. Белл приподнялся и стал рассматривать окружающую обстановку. Его охватило чувство ностальгии, когда он заметил бледно-белые цветы, окружавшие его.

— ...Я дома.

Он вернулся в свой дом, в свое убежище. Единственное место, где он мог на мгновение забыть о трудностях охоты. Здесь жили Ева, его названная мать, Герман, его первый наставник, и посланники, слуги, которые оставались верны ему во время его вечной охоты. И теперь это место было единственным знакомым ему местом, пока он был погружен в тот чужой "мир", который ему еще предстояло понять.

Однако это место напоминало ему обо всем том ужасном, что произошло с ним с тех пор, как он был призван на службу охотником. Оно символизировало его неосознанное порабощение Флорой, оно не позволило ему достичь покоя в смерти, оно изолировало его от остального человечества, оно довело его до безумия, именно здесь он лишил жизни Германа, своего наставника, который тоже был поработен Флорой неизвестно как долго. И самое главное, именно здесь он столкнулся с существом, с которого все началось, и именно здесь, как он думал, он обретет вечный покой, но проснулся живым.

Это место хранило для Белла много счастья, ностальгии, грусти и сожаления. Все эти каскады мыслей напоминали ему битое стекло: чем крепче он цеплялся за эти болезненные воспоминания, тем глубже они резали. Но, несмотря на это, он находил в этой знакомой боли чувство защищенности и безопасности. Это было что-то знакомое, чего нельзя было сказать о покое, обретенном в мире яви.

Он встал, проверил свою одежду и увидел, что на нем все еще черная рубашка с длинным рукавом и дубленые брюки. Посмотрев направо, он увидел массивное дерево и кресло-каталку Германа, которое стояло на том же месте, что и после их страшной дуэли.

Рядом с креслом лежал Погребальный клинок Германа, лезвие которого было воткнуто в грязь. Он вздохнул и опустился на колени перед инвалидным креслом. Однако кое-что его удивило. Он ожидал, что кресло будет покрыто пылью и грязью, но вместо этого кресло было в идеальном состоянии, как будто за ним кто-то ухаживал...

Белл услышал слабое жужжание, доносящееся из-за забора, отделявшего цветочное поле от мастерской охотника. Он перепрыгнул через забор и с грацией балерины приземлился на лестницу. В глазах Белла помутилось, и он посмотрел на источник жужжания. Он исходил от фигуры, стоявшей на коленях над надгробным камнем. Глаза фигуры были закрыты, а руки переплетены, и она молилась над могильным камнем. Это была Ева, человек, который служил ему якорем и которого Белл считал своей названной матерью.

Она открыла глаза, услышав, как по ступенькам, ведущим в мастерскую, засеменили шаги. Она встала лицом к охотнику и глубоко поклонилась.

— Добрый охотник, добро пожаловать домой.

При этих словах вся тревога, накопившаяся в охотнике за последние шесть дней, в одно мгновение исчезла.

С губ Белла сорвался тихий всхлип, и он помчался вниз по лестнице, грациозно перепрыгивая через ступеньки изысканными прыжками, а затем бросился обнимать фигуру матери. Он почувствовал, как две руки обхватили его за спину, что побудило его углубить объятия. В душе

альбиноса произошли взрывы облегчения и радости, когда он понял, что это не какая-то извращенная шутка или галлюцинация, а Ева действительно находится перед ним. Кукла продолжала держать доброго охотника в своих объятиях, пока Белл по собственной воле не разорвал объятия.

— Словами не передать, как я счастлив видеть тебя, Ева, — сказал Белл, вытирая слезы счастья, которые текли по его щекам.

— Я рада видеть тебя в целости и сохранности, Добрый Охотник. Расскажи мне, как прошло твое путешествие в Море Пробужденных?

— Оно было... приятным. Хотя мне пришлось пережить некоторые трудности. Но сейчас я чувствую себя так легко, — с искренней улыбкой сказал охотник.

— И я тоже, добрый охотник, хотя я не одна такая, — сказала кукла, указывая жестом на землю. Проследив за ее взглядом, Белл заметил в земле пузырящуюся дыру, в которой три посланника протягивали к охотнику свои бледные руки и стонали от счастья. Белл опустился на колени и протянул гонцам руку с ласковым взглядом. Когда гонцы радостно схватили его за руку, он поднял глаза на Еву.

— Мы можем посидеть и поговорить? Нам нужно многое обсудить.

— Конечно, Добрый Охотник, — сказала Ева, глубоко поклонившись.

— Спасибо. О! Я чуть не забыл показать тебе кое-что! — Белл взволнованным тоном судорожно вытащил что-то из кармана. Это была свернутая картина его деда, и он с энтузиазмом показал ее Еве.

— Смотри! Посмотри на это! Ты знаешь, что это такое?! Это картина моего деда! Я... я теперь знаю, как выглядит мой дедушка!

Оживленная улыбка, появившаяся на лице Белла, когда он протянул картину с изображением своего деда, вызвала улыбку на лице Евы, что случалось не так уж часто.

— Я счастлива и рада это слышать, добрый охотник.

Пока Белл рассказывал о своем дедушке, Ева вспоминала тот момент, когда Добрый Охотник понял, что больше не помнит внешности своего деда. Она вспомнила, как был подавлен Добрый Охотник, когда сказал ей, что не может вспомнить даже лица своего деда. Он был в замешательстве, и ей потребовалось немало времени, чтобы привести его в нормальное состояние. Она почувствовала облегчение от того, что он смог обрести счастье, потому что видеть его таким счастливым во время охоты было редкостью. Его яркая улыбка заставила Еву вспомнить, как Белл рассказывал ей о Солнце.

Солнце — это объект на небе, который освещал мир и освещал землю. Белл сказал ей, что это якобы самый яркий объект в мире. Однако яркая улыбка Белла заставила Еву усомниться в его словах.